

**Убиты две женщины.
Мотив неизвестен**

Клаудия работала в ночном клубе, поэтому, разумеется, трагедию, описанную в статье на первой полосе «Колумбус диспатч» от одиннадцатого декабря тысяча девятьсот семьдесят седьмого года, восприняла как свою собственную. Ей стало жутко от одной мысли о двух мертвых женщинах, лежавших в морозной ночи. По спине пробежал холодок, ее затрясло. Бегая тем вечером между столиками под ритмы рок-музыки, она смотрела в стеклянные глаза пьяных мужчин и молилась про себя, чтобы никто из них не вздумал убить и ее.

Вернувшись тем вечером домой, Клаудия встала на колени перед картиной, изображавшей Иисуса в Гефсиманском саду, которую повесила над дверью в гостиной, и принялась шептать молитву за души убитых.

По словам Клаудии, тогда она еще не знала, что это лишь первые убийства из длинной череды смертей и что они перевернут всю ее жизнь.

*Как всегда,
с любовью для Ори*

Пролог

Это подлинная история роковой красотки и психически больной женщины по имени Клаудия Элейн Яско. А еще это история о том, как сотрудники правоохранительных органов многократно заходили в тупик, безуспешно пытаясь раскрыть серию вроде бы ничем не связанных убийств, которые целый год держали в страхе жителей Центрального Огайо.

О Клаудии я впервые услышал в середине июля тысяча девятьсот восемьдесят второго года, когда один ее приятель позвонил мне и спросил, не хочу ли я написать книгу про женщину, которая в тысяча девятьсот семьдесят восьмом году, в возрасте двадцати шести лет, заявила полиции, что убила троих человек. Позднее эти трое вошли в число десяти жертв преступника, получившего в газетах Огайо прозвище «Убийца с двадцать вторым калибром». Прежде Клаудия боялась говорить о случившемся, теперь же она решила поведать свою историю миру.

Случай меня заинтриговал, да и время было выбрано удачно — я как раз взял в универси-

тете отпуск, чтобы презентовать последнюю книгу.

Звонивший парень (он просил не называть его имени) пообещал привезти Клаудию на следующей неделе. Я тем временем, чтобы освежить в памяти события, сходил в библиотеку и перечитал газеты четырехлетней давности, где рассказывалось о преступлении, за которое Клаудию Элейн Яско и двоих мужчин — ее соучастников — чуть было не приговорили к смертной казни по обвинению в убийстве при отягчающих обстоятельствах.

Первые же заголовки напомнили мне суть дела:

ПРИЧИНОЙ ТРОЙНОГО УБИЙСТВА
СТАЛ ЛЮБОВНЫЙ ТРЕУГОЛЬНИК

ЖЕНЩИНА, ВИНОВАЯ В ТРЕХ СМЕРТЯХ,
СДАЛАСЬ ПОЛИЦИИ

А чуть позже:

КТО ОТВЕТИТ ЗА ПЯТЬ СМЕРТЕЙ?

Однако по размытым газетным снимкам я не смог верно представить себе обвиняемую и потому совершенно не был готов к тому, что порог моего кабинета в полдень девятнадцатого июля тысяча девятьсот восемьдесят второго года переступит высокая и очень красивая женщина.

Клаудия села на стул, скрестила длинные ноги и сложила на коленях руки. Ногти у нее были ярко-красные и идеально подпиленные; все пальцы — унизаны кольцами.

— Я весьма рада, что вы согласились встретиться, — произнесла она низким тягучим голосом. — Некоторые друзья считают, что из моей жизни получится интересная книга. Вы готовы записать мой рассказ?

— Не так-то это просто, — предупредил я. — Мне придется задавать очень личные вопросы, а вам — отвечать искренне, выворачивая всю душу. Может быть очень больно.

Она отчего-то потрогала горло.

— Мне нечего стыдиться: ни сейчас, ни в прошлом... Позвольте один вопрос, мистер Киз?

— Зовите меня просто Дэниел, — предложил я.

Она улыбнулась.

— Дэниел... это означает «суд Божий»... — Клаудия вдруг нахмурилась. — Я совсем забыла, что хотела спросить. Есть у меня такая беда... Никогда меня не перебивайте, иначе я потеряю ход мысли.

Мне стоило бы сразу прислушаться к ее словам и понять, что интервью с человеком, страдающим дефицитом внимания, станет мучением для нас обоих. Но Клаудия чем-то меня очаровала — может, тем, как причудливым образом сочетала в себе роковую чувственность и робость? — в общем, я почувал, что история и впрямь выйдет стоящей.

Клаудия снова вздохнула.

— О, вспомнила! Пожалуйста, объясните, как мы будем работать, если вы все-таки решите написать книгу. Я сама не умею водить машину и не могу докучать бесконечными просьбами друзьям...

— И не нужно. Когда завершится мой тур, я смогу раз в неделю приезжать в Колумбус, и мы с вами бу-

дем разговаривать часа два или три — сколько удастся освободить.

Она с облегчением перевела дух.

— Замечательно! Я уже подумывала, не придется ли нанять человека, чтобы тот меня возил, я ведь зарабатываю не так много...

По ее словам, она работала официанткой в баре «Сессион» отеля «Шератон», и ее зарплату составляли в основном чаевые.

— Пока я согласен всего лишь собрать первичный материал и посмотреть, получится ли из него сделать книгу, — напомнил я.

— Получится, — заверила она. — Это я могу сказать вам точно.

— Почему вам так хочется написать книгу? — спросил я.

Она вздохнула и отвела взгляд.

— То, что случилось в семьдесят восьмом году, до сих пор меня преследует. Если я увижу свою историю на страницах книги — как это было с Билли в «Таинственной истории», — то, надеюсь, сумею наконец изгнать призраков из памяти.

— Обещать ничего не могу.

— И не надо. Я уверена, что все получится. Вот увидите, — решительно заявила она.

Когда Клаудия ушла, в кабинете остался витать запах ее духов. Я какое-то время сидел и гадал, во что, собственно, ввязался.

* * *

Люди, с которыми я говорил про Клаудию, относились к ней по-разному. Прокуроры и полицейские, участвовавшие в расследовании, были

уверены, что она все-таки замешана в убийстве или, по крайней мере, побывала на месте преступления.

А вот в средствах массовой информации ей по большей части сочувствовали; особенно в «Плейбое», где в декабре тысяча девятьсот семьдесят восьмого года появилась статья под заголовком «Клаудия на краю гибели». Авторы настойчиво заверяли, что все подробности преступления, раскрытые обвиняемой в ходе девятичасового допроса, были навязаны ей детективом. В семьдесят восьмом году проходили выборы, и многие журналисты — что в газетах, что на телевидении — считали, будто на следователей и прокуроров оказывали давление, вынуждая их поскорее раскрыть убийство. По всеобщему признанию, Клаудия стала жертвой полицейского произвола.

В общем, мысль о том, чтобы рассказать правду об этой красивой и загадочной женщине, крепко запала мне в душу.

К сожалению, книгу мне пришлось неоднократно переписывать.

* * *

Холодным осенним днем двадцать шестого ноября тысяча девятьсот восемьдесят второго года, спустя четыре месяца после нашего знакомства, я поехал в Колумбус, чтобы взять у Клаудии первое интервью.

Парень, который нас познакомил, предупредил, что район, где она живет, — самый криминальный в городе. Всякий раз, собираясь к ней в гости, он брал с собой пистолет.

Свернув в узкий проулок за домом, я припарковался, как Клаудия и просила, у черного хода. Стоял самый разгар дня, но на улице не было ни души, и я занервничал. Странное чувство — испытывать страх посреди белого дня. Прежде чем выйти, я внимательно огляделся, запер машину и торопливо зашагал к дверям Клаудии.

Она увидела меня в окно. Открыла дверь, чтобы впустить, и на пол вдруг с грохотом что-то упало.

Я чуть было не подпрыгнул со страху.

— Ох, черт! — воскликнула она. — Совсем про него забыла...

Клаудия наклонилась и подняла огромный мясницкий тесак.

— Это еще зачем?! — воскликнул я и попятился, во всех красках представив, как она вонзает клинок мне в грудь.

Клаудия удивленно захлопала глазами.

— Я втыкаю его в щель над дверью: если ночью вдруг вломятся, он упадет и разбудит меня. Эту квартиру уже три раза обворовывали. Я живу одна, и мне очень страшно. Вот и пытаюсь, как могу, обезопаситься.

Глубоко вдохнув несколько раз, я взял себя в руки и зашел в дом, Клаудия заперла замок и воткнула нож на место.

— Располагайтесь пока, — сказала она. — А я на минутку загляну в ванную.

Квартира была однокомнатной, кухонную зону отделяли от спальни и гостиной два шкафа, набитые всякой всячиной: косметикой, шампунями, витаминами, консервами. Пахло ароматным тальком и духами. На комод висела яркая

открытка с толстой жабой и надписью: «Если с утра съест лягушку, остаток дня обещает быть чудесным».

Слава богу, у этой женщины есть чувство юмора!

Я сдвинул лежащую на диване кипу старых газет со счетами, чтобы освободить себе место, на подлокотник кресла-качалки положил диктофон.

Увидев технику, Клаудия заметно помрачнела.

— Это еще зачем?

— Я всегда работаю с диктофоном. Чтобы иметь потом возможность прослушать наш разговор и убедиться, что я все понял верно.

— Ясно... — протянула она, села в кресло и слишком сильно его качнула. — Я такие штуки не люблю.

Я схватил диктофон, пока тот не упал, и переложил рядом с собой на диван.

— Вы скоро про него забудете.

— Вряд ли. — Она заметно напряглась и заставила себя расслабиться. — Впрочем, приступайте.

— Прежде всего я хотел бы побольше узнать про вас. Расскажите о своем детстве. Как вы росли, в каком окружении?

Клаудия покачала головой.

— Не помню. Детство у меня было несчастным — худшие годы в моей жизни.

Я хотел спросить почему, но, увидев слезы у нее на глазах, промолчал.

Она принялась рассказывать про свой арест, про следствие, про тюрьму, и я вдруг понял, что не я, а Клаудия искусно управляет ходом интервью.